

А. П. ЧЕХОВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННИКОВ

СБОРНИК

Под редакцией
А. К. КОТОВА

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1 9 4 7

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Встречался я с Антоном Павловичем Чеховым всего два раза, но обе эти встречи дали ощущение живого Чехова и, более того, помогли понять его как писателя, хотя беседа велась совсем не о литературе. Я тогда лишь немного начинал печататься, но в этом ему не признался, а сам Чехов, как большинство настоящих писателей, думается, рад был вести разговор не «писательский», а простой — житейский. Я никак не затрагивал вопроса и о его произведениях. Я ехал тогда на голод в Бессарабию и по этому именно делу к нему и зашел.

Заговорили, конечно, и о любимой Чеховым Москве. Несмотря на январь, в Ялте было тепло, все ходили по-летнему, по каменным стенам вились маленькие пушистые розы, цвели и какие-то еще розовые цветы с плотными блестящими лепестками; все это было зимою несколько призрачно. И грусть по морозной Москве — запрещенной — была как нельзя больше понятна. В кабинете, совсем небольшом, очень простом, постепенно сгущались синие сумерки; огня не зажигали. Антон Павлович говорил не спеша, раздумчиво, больше расспрашивал — о Москве, о студенческих наших делах, немного всегда беспокойных. Кстати, когда передают речь Чехова, всегда пестрит частица «же», которую он будто бы прибавлял чуть не к каждому слову; получается впечатление сугубо провинциального местного говора, почти комического. Правда, пишут это люди, знавшие Чехова долго и хорошо, но если и была в его речи

такая особенность (я ее вовсе не ощутил), то во всяком случае передающие слова А. П. ею злоупотребляют. Он говорил, как писал, короткими фразами, подумав, несколько скупой и очень определенно; так же скупы и выразительны были и его жесты, едва намеченные и, одновременно, вполне законченные.

Я не помню подробностей этого первого разговора, да и не в них дело, но тогда же я отчетливо почувствовал, как Чехов был пристально внимателен к другому человеку — совсем для него случайному. И это не был интерес специфически писательский, а именно человеческий. Пожалуй, в этом была и доброта, но не такая теплая и конкретная, какая присуща была Владимиру Галактионовичу Короленко, которого увидел я много позже. У Чехова любовь эта была как бы несколько *далекою*: не данный сидящий перед ним человек сам по себе, а он же, но лишь как один из тех живых существ, что именуются человеком. У Чехова, несомненно, присутствовала всегда свойственная ему органически дума о людях, о человеке, о жизни. И вот он сидел в сумерках и говорил, с паузами, покашливая, спрашивал что-нибудь, и так это воспринималось: точно хочет проверить себя, прикинуть свое «издали» на этом вблизи сидящем, приехавшем оттуда — из всегда молодой Москвы.

Чехов был человеком конкретностей и писал живых людей, может быть как никто, но эти конкретности он давал по-особому, на широком и спокойном горизонте своего раздумья. Так иногда, на фоне заката, увидишь стебли полыни или дикой рябинки, они такие же, как и те, что у тебя под ногами, но и не те, ибо конкретность их дана с гравюрною четкостью, и даны расстояние, простор и грань горизонта, и теплая желтизна уходящего неба. Это сочетание конкретности и дали, живого быта и длительного раздумья, оно и является основным в творческой манере Чехова.

Какого же рода было это раздумье? Несомненно, оно было очень разнообразного свойства: и философского, и социального — тому имеется много свидетельств. Во вторую свою встречу с Чеховым я очень остро почувствовал именно этот социальный интерес писателя и притом не отвлеченный, головной, а напротив — живой, исполненный настоящего человеческого тепла.

Я увидел Чехова на одной из выставок картин в Москве. Он был один, но я не подходил к нему, стесняясь напомнить о нашем случайном знакомстве, однако он сам, взглянув и помедлив секунду, узнал меня.

— Да, хорошо написано,— сказал он о портрете какого-то генерала, перед которым как раз я стоял,— но кому это нужно, зачем?

Портрет привлекал общее внимание, и мастерство художника было налицо. Но Чехов не захотел углубить свою мысль, и она приобрела всю свою значительность лишь в порядке противопоставления.

— Вы это еще не видали?

Не рассеянно, но очень быстро прошел он ряд других полотен и надолго остановился затем перед одной небольшою картиной.

— Вот,— сказал он,— вот что я вам хотел показать. Это хорошо.

Я не помню, чья это была картина, но передо мной встают и теперь — фабричные задворки, вечер, лиловатая мгла и молодой рабочий с ребенком на руках; он держит его очень неловко и очень бережно, со скуповатою, может быть, чуть-чуть стыдливою, нежностью, которую не хотел бы показать. Чем-то родственно этому сочетанию чувств было и само восприятие Чехова, и молчание его было для меня выразительно полно: сам он писал не потому лишь, что умел отлично писать и хорошо знал человека, но и потому, что он человека любил и жалел, и думал, по-своему, об устройении его неустроенной жизни.

ИВАН НОВИКОВ. «ДВЕ ВСТРЕЧИ»

Воспоминания писателя Ивана Алексеевича Новикова (р. в 1877 г.) воспроизводятся по тексту (с небольшими авторскими исправлениями), опубликованному в «Литературной газете», 1929 г. 15 июля.

В 1898 г., во время первой встречи с Чеховым, И. Новиков был студентом Московского сельскохозяйственного института (б. Петровская академия).